

ЛИЗ
КАРЛАЙЛ

*Любовь
в наследство*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К23

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Liz Carlyle

NEVER DECEIVE A DUKE

Перевод с английского *М. Литваковой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a division of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Карлайл, Лиз.

К23 Любовь в наследство : [роман] / Лиз Карлайл ;
[перевод с английского М. Литваковой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-180591-3

Гарет Ллойд — богатый и успешный предприниматель, сделавший себя сам. Последнее, чего ему хотелось бы, — взвалить на себя многочисленные светские обязанности. Но когда его родственник погибает при загадочных обстоятельствах, к Гарету переходят и фамильные земли, и титул герцога Уорнема, и необходимость позаботиться о его вдове — герцогине Антонии, которая упорно отказывается вновь вступать в брак.

Гарет не желает влюбляться и не намерен жениться — тем более на особе, о причастности которой к гибели мужа ходят скверные слухи. Но разве доводы рассудка могут остановить вспыхнувшее страстью мужское сердце?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-180591-3

© Susan Woodhouse, 2007
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

Пролог

Почти столетие насчитывает история клана Вентор. Его представители, в основном нормандского происхождения и очень состоятельные, заботились о чистоте крови и редко заключали браки с выходцами из других семейных кланов. И Матильда Вентор не была исключением. В возрасте пятнадцати лет ее выдали замуж за кузена, третьего герцога Уорнема, и она начала рожать детей с такой регулярностью, что все только диву давались.

Так бы все и продолжалось многие годы, если бы герцог, известный своими верноподданническими убеждениями, вдруг не удивил всех, изменив своему королю. С ростом волнений среди подданных король Яков II оказался на грани свержения, тем более что протестанты не успокаивались с самой его коронации. Венторы тоже были протестантами, и, оценив ситуацию, герцог, как, впрочем, и многие другие представители состоятельных семейств, решил примкнуть к оппозиции — побеждающей стороне.

Уорнему было что защищать. Владения его клана были едва ли не самыми обширными в Англии, но герцог был последним мужчиной в роду: Матильда, к сожалению, рожала только дочерей (к тому времени их было уже шесть, все очень хорошенькие, но совершенно «беспользные»). Уорнему нужен был сын и твердая почва под ногами.

Убедившись в правильности своего решения, Уорнем выступил во главе местной оппозиции в поддержку Вильгельма Оранского, и, поднявшись с войском на усыпанный листвою холм (стоял холодный ноябрьский день 1688 года), он, к собственной радости, увидел развевающееся на ветру протестантское знамя. Стоявшие под знаменем знатные Стронники Вильгельма встретили Уорнема приветственными криками и призывами присоединиться. Герцог, воодушевленный такой радушной встречей, пришпорил коня, но не заметил лисью нору у подножия поросшего травой склона. На полном скаку конь попал в яму, кувыркнулся и сбросил седока. Герцог ударился головой о землю, сломал шею и тут же испустил дух.

Восстание закончилось, едва начавшись. Вильгельм Оранский легко одержал победу, Яков II бежал во Францию, а через девять месяцев Матильда родила близнецов — на сей раз крепких, здоровых мальчиков. При этом никто не осмелился отметить, что внешне крошки совсем друг на друга не походили: один, розовый пухлый ангелочек, был миниатюрной копией матери, а рожденный вторым — большеголовое длинноногое создание с копной золотистых волос, совершенно непохожее на своего покойного отца.

Венценосная чета решила, что детишек следует взять ко двору, и сам король объявил их обоих точной копией герцога Уорема. Никто не посмел возражать ему.

Разумеется, мальчику, рожденному первым, достался титул герцога, а второму, в знак признания храбрости его отца, Вильгельм пообещал должность полковника пожизненно с правом передачи ее всем будущим наследникам. Таким образом, согласно семейному

4 преданию, и была определена судьба рода.

Мальчик, что стоял сейчас посреди огромной библиотеки Уорнемов, прекрасно знал эту историю: она через сто с лишним лет стала уже не просто барьером, разделявшим семью, а непреодолимой черной пропастью.

— Подними голову, разверни плечи! — скомандовала герцогиня и обошла его вокруг, словно оценивая произведение скульптора, простучав тонкими каблучками по мраморному полу.

Мальчик с трудом проглотил подкативший к горлу комок, борясь с тошнотой, опасаясь обгадить туфли герцогини. Ужасная пятимильная утренняя поездка в разбитой крестьянской повозке была жутким мучением.

Герцогиня тем временем наклонилась и вдруг резко ударила его в живот. Мальчик от неожиданности охнул, согнувшись, но тут же выпрямился, насколько это было в его силах, и послушно опустил взгляд.

— Ну что ж, вроде бы достаточно крепкий, — объявила герцогиня, обернувшись к мужу. — Не заморыш, не грязнуля, к тому же покорный и, главное, не смуглый.

— Да, — скупое согласился герцог. — Слава богу, он вылитый майор Вентор — те же длинные ноги и золотистые волосы.

— Будь честен с самим собой: разве у нас есть выбор, Уорнем? — пробормотала герцогиня, повернувшись спиной к пожилой женщине, которая привела мальчика. — Думаю, нам следует помнить о долге каждого христианина. Простите, конечно, миссис Готфрид.

Последние слова были беспечно брошены через плечо, но та, кому они предназначались,

не обратила на них никакого внимания, пристально рассматривая герцога.

— Долг христианина! — повторил герцог, и на его красивом лице отразилась смесь эмоций: и сомнение, и отвращение. — Почему о долге христианина всегда вспоминают тогда, когда сталкиваются с какими-то проблемами?

— Ты, конечно же, прав, — покорно проговорила герцогиня, чопорно сложив перед собой руки, — но в ребенке есть твоя кровь.

— Едва ли! — резко возразил герцог, которому, по-видимому, показалось обидным такое предположение. — Он не может оставаться здесь, Ливия. Нельзя, чтобы такие дети учились вместе с Сирилом. Что скажут люди?

— Нет-нет, мой дорогой, конечно, нет, — торопливо проговорила герцогиня, пытаясь успокоить мужа. — Разумеется, этого не будет.

— Ваша светлость, — взмолилась миссис Готфрид, с трудом поднявшись на своих изуродованных артритом ногах, и тут же опять присела, — будьте снисходительны. Отец этого мальчика сражался за Англию и пал смертью героя. У Габриела никого больше нет.

— Никого? — резко повторила герцогиня, бросив еще один презрительный взгляд через плечо. — Вот как! Разве у вас, миссис Готфрид, нет родственников в Англии?

— Кровных нет, ваша светлость. — Пожилая женщина обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, перед тем как выложить свой единственный козырь. — Конечно, его можно отдать в какую-нибудь еврейскую семью: и она примет и вырастит Габриела как собственного ребенка, но действительно ли вы хотите этого?

— Господи! Конечно, нет! — Уорнем, элегантный мужчина, еще молодой и сильный, резко поднялся с кресла и принялся ходить по комнате. — Будь проклят этот Вентор, поставивший нас в такое безвыходное положение, Ливия! Если он собирался заключить неподходящий брак, то, ей-богу, не имел права участвовать в военных действиях и рисковать своей жизнью даже ради короля. Таково мое мнение.

— Совершенно верно, дорогой, — проворковала герцогиня. — Но сейчас не время сетовать. Герцог мертв, и с ребенком нужно что-то делать.

— Да, но он не может оставаться здесь, в Селсдон-Корте, — снова заявил герцог. — Мы должны думать о Сириле. Что скажут люди?

— Что ты достойный христианин, — вкрадчиво подсказала жена и, немного помолчав, вдруг по-детски хлопнула в ладоши. — Уорнем, я придумала! Он будет жить во вдовьем доме. И миссис Готфрид сможет заботиться о нем. Мы пригласим того странного маленького викария... прости, забыла его имя.

— Нидлс, — буркнул герцог.

— Да-да, Нидлс, — повторила герцогиня, заботливо усаживая мужа в кресло. — Все не так страшно, дорогой. Он будет обучать ребенка. И ведь это только на время. Лет через десять мальчика уже можно отдать на службу. Он пойдет в армию, так же как его отец и дед.

— Вдовый дом, говоришь? — Герцог задумался. — Крыша протекает, полы прогнили, но, думаю, это не проблема — можно его отремонтировать.

Мальчик все так же стоял посреди комнаты, изо всех сил стараясь держаться прямо, чтобы не посрамить своего отца, тем более что эта встреча с герцогом была его единственной надеждой.

Он понимал, почему так плакала и молилась бабушка, перед тем как покинуть этим утром жалкую придорожную гостиницу. Наконец, подавив в себе гордость и нарастающий гнев, он расправил плечи и, заикаясь, спросил:

— Можно мне сказать, сэр?

Мертвая тишина воцарилась в комнате, когда герцог резко повернул голову в сторону мальчика, в первый раз внимательно на него посмотрел и в конце концов раздраженно бросил:

— Да, говори.

— Я... хотел бы стать солдатом, ваша светлость, и, как отец, сражаться против Наполеона. А до тех пор... обещаю, что не доставлю вам никаких неприятностей.

— Прямо никаких, да? — с усмешкой повторил герцог и посмотрел на него едва ли не с отвращением. — Но я почему-то в этом сомневаюсь.

— Совершенно верно: никаких неприятностей, сэр, — твердо повторил мальчик. — Обещаю.

Глава 1

Солнце светило вовсю в Финсбери. Габриел расставлял своих игрушечных деревянных животных на одеяле поверх благоухающей травы. Отец наклонился к нему и загорелой рукой взял одну из игрушек.

— Габи, как это называется?

— Фредерик, — коротко ответил мальчик, передвинув на пустое место тигра.

— Нет, — рассмеялся отец, — как называется это животное?

— Слон, неужели не понятно? — фыркнул Габриел, посчитав вопрос глупым. — Ты же сам прислал его мне из Индии.

— Да, верно, — смущенно подтвердил отец.

— Уже к трем годам Габриел знал все животное царство, — напомнила леди Рут. — Наверяд ли, Чарлз, ты можешь рассказать ему о животных что-то новое.

— Я так соскучился, дорогая. — Отец Габриела со вздохом откинулся на спинку скамейки и взял жену за руку. — И, боюсь, мне опять придется уехать.

— О, Чарлз, я не имела в виду... — Она торопливо достала из кармана носовой платок и откашлялась в него. — Прости. Это прозвучало бестактно, да?

— Любовь моя, как только я уеду, пожалуйста, займись своим кашлем, — озабоченно проговорил сэръ Чарлз. — Габриел, напомнишь маме? Она должна непременно посетить доктора Козна.

— Да, папа. — Габриел взял из строя игрушек обезьянку и, протянув отцу, пояснил: — Это Генри. Он отправится с тобой в Индию и составит компанию, чтобы не было скучно.

— Спасибо, сын. — Положив обезьянку в карман форменной куртки, сэр Чарлз взъерошил мальчику волосы. — Я буду очень скучать. Скажи, вам с мамой хорошо здесь, с Зейде и Баббе?

Габриел кивнул, а леди Рут тихо сказала, положив руку на колено мужу:

— Лучше, Чарлз, чтобы так и оставалось, пока для нас все не решится. Правда. Ты не против?

— Разумеется, нет. Главное — чтобы вы не чувствовали себя несчастными.

Конторы «Невилл шиппинг», расположенные вдоль Уоппинг-Уолл, гудели как ульи. Вверх-вниз по лестницам сновали клерки, нагруженные документами: последними контрактами, накладными загрузки, страховыми полисами или чайными подносами. От удушливой августовской жары, стоявшей в Лондоне, не могли спасти даже распахнутые настежь окна, а утренний ветерок со стороны Темзы не приносил никакой свежести — только зловоние.

Мисс Ксантия Невилл стояла у своего рабочего стола, не обращая внимания ни на жуткую вонь, ни на громохание погрузочных тележек, ни на брань портовых грузчиков: за год в Уоппинге она ко всему уже привыкла. Вот бы еще справиться с этой проклятой бухгалтерией! В раздражении мисс Невилл бросила на стол карандаш и окликнула проходившего мимо клерка:

10 — Гарет?

Оказалось, что это не Гарет, а Сиддонс, и тогда она обратилась к нему:

— Где Ллойд? Он мне нужен немедленно.

Коротко кивнув, Сиддонс бросился назад, и через несколько секунд появился Гарет, загородив широкими плечами весь дверной проем в клетушке, которой он пользовался вместе с мисс Невилл.

— Спешка до добра не доводит, старушка, — заметил Гарет, внимательно присмотревшись к девушке. — Как насчет цифр, которые нужно добавить?

— Я еще не дошла до этого, — призналась Ксантия. — Не могу найти бумаги по согласованию «Истлиз воядж», чтобы внести необходимые данные.

Гарет не спеша пересек комнату и, подойдя к ее столу, вытащил договор из-под бухгалтерских документов. Мисс Невилл пожала плечами, не скрывая удивления.

Некоторое время Гарет молча смотрел на нее, потом спросил:

— Нервничаешь? Что же, вполне понятно. Завтра к этому времени ты уже будешь замужней дамой.

— До смерти боюсь, — призналась Ксантия, закрыла глаза и выразительно, как-то очень по-женски, прижала руку к животу. — Не замужества, нет: я безумно люблю Стивена, — а всей этой толпы, самой церемонии. Его брат пригласил кучу знакомых, а я пока никого из них не знаю, не могу отложить...

Гарет оперся рукой на спинку ее стула, не прикасаясь к ней (он поклялся, что никогда больше и пальцем не тронет Ксантию), и спокойно сказал:

— Ты должна была понимать, что этим кончится. И это не самое худшее. Когда ты станешь леди Нэш и в свете узнают, что ты даже в новом качестве продолжаешь трудиться, все очень удивятся...

— Я работаю не для того, чтобы зарабатывать на жизнь! — пояснила Ксантия. — Моя роль — как совладелицы судоходной компании — помогать... контролировать все потоки, вести договоры, сделки.

— Одно от другого отделяет очень тонкая грань, дорогая, — возразил Гарет. — Но я желаю тебе успеха.

— О, Гарет, — сказала она тихо, глубоко вздохнув, — скажи мне, что все будет хорошо.

Он понимал, что девушка говорит не о предстоящей свадьбе, а о деле, своем детище. Разумеется, оно всегда было для Ксантии важнее всего остального, в том числе и отношений с ним.

— Все будет хорошо, дорогая, — постарался он ее успокоить. — Ты отправляешься в свадебное путешествие всего на неделю. Мы здесь справимся, а если понадобится, найдем кого-нибудь. Пока ты не вернешься, я буду здесь каждый день.

— Спасибо тебе, — ответила она, слабо улыбнувшись.

— Прошу тебя, не волнуйся, — сказал Гарет тихо и, нарушив свое обещание не прикасаться к девушке, дотронулся пальцем до ее подбородка. — Поклянись мне, что не будешь нервничать. Думай о новой счастливой жизни, которая тебя ожидает.

— Ты ведь будешь там завтра утром, правда? — затаив дыхание, спросила Ксантия, и на мгновение лицо ее озарилось светом, предназначенным одному-единственному человеку. — В церкви?

— Не знаю. — Гарет отвел взгляд.

— Но мне просто необходимо, чтобы ты был там. — У нее неожиданно задрожал голос. — Ты мой... лучший друг. Прошу тебя.

Ответить он не успел: в дверь тихо постучали, и на пороге появился седой пожилой джентль-

мен и их главный бухгалтер, мистер Бейкли, почему-то явно испытывавший неловкость.

— Что-то произошло? — удивилась Ксантия, потому что Бейкли должен принимать посетителей внизу, в бухгалтерии, а не приводить наверх, в кабинеты руководства.

Незнакомец прошел в комнату, и при солнечном свете стало видно, что за простотой скрывается хорошо сшитая дорогая одежда, очки в золотой оправе и блестящая кожаная папка, которую он держал в руках. «Банкир из Сити, — предположил Гарет, — или, того хуже, юрист». Но кем бы ни был джентльмен, впечатление того, кто приносит плохие вести, он не производил.

— Вы мисс Невилл? — поклонившись, заговорил мужчина. — Я Говард Кавендиш Уилтон, «Кавендиш и Смит» на Грейсчерч-стрит. Я разыскиваю одного из ваших сотрудников, мистера Гарета Ллойда.

В комнате сразу возникла напряженность.

— Это я, — шагнув вперед, сказал Гарет. — Но если у вас какие-то юридические вопросы, то их следует обсуждать с нашими поверенными, так что...

— Нет-нет, мое поручение носит исключительно личный характер, — перебил его мистер Кавендиш, подняв руку. — Так что прошу уделить мне немного вашего времени.

— Мистер Ллойд не рядовой сотрудник, сэра, а один из владельцев судоходной компании, — высокомерным тоном объявила Ксантия. — С ним принято договариваться о встрече заранее.

— Ах, прошу прощения. — На лице юриста промелькнуло удивление, но он быстро справился с этим.

Смирившись с неизбежным, Гарет прошел к своему массивному письменному столу красного дерева и жестом предложил визитеру занять кожаное кресло напротив. Джентльмен почему-то вызывал у него чувство неловкости, и Гарет в который раз подумал, что они должны благодарить Ксантию за то, что обновила их кабинет, который теперь выглядел вполне пристойно, как и подобает кабинету любого делового человека.

Мистер Кавендиш бросил красноречивый взгляд на Ксантию, но Гарет успокоил его:

— Все в порядке. У меня от мисс Невилл нет секретов.

— Вот как? — пробормотал мужчина, удивленно вскинув темные брови, и быстро раскрыл кожаную папку. — Надеюсь, вы правы.

— Ну и ну! Звучит интригующе! — возмутилась Ксантия и поставила свое кресло слева от Гарета.

— Должен сказать, мистер Ллойд, что вы стали ценной добычей, — сообщил мистер Кавендиш, доставая из папки пачку бумаг.

— А что, на меня охотятся?

Кавендиш недовольно скривил рот, будто его миссия не сулила ничего приятного.

— Моя фирма вот уже несколько месяцев разыскивает вас.

От его сурового тона Гарет и правда разволновался и бросил растерянный взгляд на Ксантию, вдруг пожалев о том, что не попросил ее уйти.

— И где же вы искали меня, мистер Кавендиш? — спросил Гарет. — До недавнего времени главная контора «Невилл шиппинг» находилась в Вест-Индии.

— Да-да, мне удалось это выяснить, — торопливо ответил Кавендиш, — хотя на это ушло

довольно много времени. В Лондоне вас мало кто помнит, мистер Ллойд, но мне повезло: в Хаундсдиче я нашел пожилую даму, вдову ювелира, которая помнила вашу бабушку.

— В Хаундсдиче? — в недоумении переспросила Ксантия. — Какое отношение это имеет к тебе, Гарет?

— Там жила моя бабушка, — пояснил он. — У нее было много друзей, но я думал, что большинство из них уже умерли.

— Совершенно верно, — кивнул мистер Кавендиш, перебирая свои бумаги. — В живых осталась всего одна дама, да и та была очень дряхлой. Она-то и рассказала нам, что вы писали своей бабушке с каких-то экзотических островов: вроде бы с Бермудов или Багамов, — но, к сожалению, она ошиблась. Вот мы и решили попытаться поискать вас на Ямайке, на других островах, пока...

— Это был Барбадос, — пробормотал Гарет.

— Совершенно верно, — улыбнулся Кавендиш. — Но пока мы это выяснили, мои сотрудники объездили практически весь мир. И обошлось нам все это в кругленькую сумму.

— Сочувствую вам, — отозвался Гарет.

— О, это я сочувствую вам, — пояснил Кавендиш и усмехнулся. — Плачу ведь не я, а вы.

— Простите?

— Дело в том, что я ваш поверенный, работаю на вас.

— Боюсь, здесь какая-то ошибка, — рассмеялся Гарет.

Но Кавендиш достал какой-то документ и, выложив на стол, бесстрастно сообщил:

— Ваш кузен герцог Уорнем умер: говорят, его отравили, — и теперь титул переходит к вам.